

было у Раневской и одновременно огромное чувство правды, достоверности, чувство стиля, эпохи, автора.

И все это у совсем молоденькой, начинающей актрисы. А какое огромное актерское обаяние, какая заразительность! Да, я по праву могла тогда гордиться своей ученицей, горжусь и сейчас ее верой в меня как в своего педагога. Эта вера приводит ее ко мне и по сей день со всеми значительными ролями, над которыми Фаина Георгиевна всегда так самозабвенно и с такой требовательностью работает».

*У меня хватило ума
прожить жизнь глупо.*

Ф. Г. Раневская

В симферопольском театре Фаина Фельдман стала Фаиной Раневской.

Новая фамилия стала для нее не просто сценическим псевдонимом, как это было у большинства артистов. Она ничего не любила делать наполовину, поэтому вскоре стала Раневской и по всем документам. С прошлым было покончено.

По поводу происхождения ее псевдонима существует несколько версий. Сама она писала: *«Раневской я стала прежде всего потому, что все роняла. У меня все валялось из рук»*. Некоторые ее знакомые рассказывали, что дело было в любви к Чехову и в том, что она чувствовала себя его землячкой и почти родственницей. Есть еще вариант, что кто-то из друзей сравнил Фаину с героиней пьесы, увидев, как ветер вырвал у нее из рук деньги, а она, глядя им вслед, говорит: *«Как красиво они летят!»*

*Нет, пани Ранецкая, -
сказала ей рыбная торговка с Привоза, -
эта революция таки стоила мне полздоровья.*

Первый успех, близость и опека П. Л. Вульф многое объясняет в жизни Раневской. В том, как она сложилась после того, как красная конница на плечах Петлюры ворвалась в Крым.

«Как вы можете уезжать, когда в России революция!» - будто бы крикнула она родным. И осталась.

Было страшное объяснение с семьей. Они уезжали, вопрос решенный. Стращали ее ужасами, - их она вскоре увидит своими глазами. Миллионер Фельдман, понятно, был первостатейный кандидат в покойники. Должно быть, говорилось: *«Думаешь, они про тебя забудут?!»*

Родные уезжали. Вернее, уплывали. На собственном пароходе «Святой Николай» - том самом, на котором Толстой в 1902 году возвращался в Крым.

Было много горя и слез. Все понимали, что уже никогда, никогда не увидятся.

*Режиссеры меня не любили,
я платила им взаимностью.*

*Исключением был Таиров,
поверивший мне.*

Ф. Г. Раневская

Долгий вояж по провинциальным театрам завершился для Фаины Раневской летом 1931 года, когда она вернулась в Москву и поступила в театр МОНО (Московского отдела народного образования).

Правда, проработала она там недолго, сыграла несколько ролей и с облегчением рассталась с этим

*Успех – единственный
непростительный грех
по отношению к своему близкому.*
Ф. Г. Раневская

У нее была дочь Ирина, чудесная, «кружевная» девочка, убежденная, что все в этом мире делается по справедливости и для лучшего. Соседство с Фаиной, прошедшей школу одиноких скитаний, с ее сквернейшими номерами в дешевых гостиницах, с одиночеством, тоской, со всем ее безмерно, угрожающе разрастающим даром не предвещало легкой жизни.

Ее и не получилось.

Предопределенная встреча Фаины и Павлы была необходима обеим в равной степени. Одной для того, чтобы выжить и состояться. Другая нашла свое продолжение в гениальной ученице.

В конечном счете этот общий замысел сказался и в судьбе маленькой Ирины, терпеливо сносившей ревность Фаины, иногда чувствовавшей себя лишней в собственном доме и вынужденной искать собственный путь. Шестнадцатилетней она поступила на юридический факультет Казанского университета. А после первого курса, невольно воспроизводя одинокий путь Фаины, поехала в Москву и была принята в школу-студию МХАТ. Куда, заметим сразу, так и не попала Раневская.

В жизни трех этих женщин – Раневской, Павлы Леонтьевны и Ирины Сергеевны Вульф – тактическое мастерство судьбы, развязывающей узлы и решающей противоречия, всякий раз проявлялось соразмерно дарованию каждой. И всякий раз невольная цепь обстоятельств пересекала их пути.

работой артистки после давно забытого спектакля Камерного театра «Патетическая соната» М. Кулиша... Таку. Реалистическую, жесткую манеру игры на сцене Камерного театра, пожалуй, не видели ни зрители, ни актеры. Как богат контрастными красками ее образ!.. После спектакля зрители говорили только о Раневской».

В Камерном театре Раневская не сыграла больше ни одной роли и весной 1933 года ушла в Центральный театр Красной армии. Здесь ей наконец-то дали главную роль, и не в каком-нибудь проходном спектакле, а в знаменитой пьесе Горького «Васса Железнова».

В театре Красной армии Раневская проработала до 1938 года. За это время она получила звание Заслуженной артистки, а главное – стала по-настоящему знаменитой.

Роли ей давали интересные, в которых можно было развернуться и проявить разные грани своего таланта. Были среди них и роли классического репертуара, как например сваха в «Последней жертве» Островского. А были и ультрасовременные, как радистка Оксана в «Гибели эскадры» Корнейчука. Но, конечно, «звездной», как сейчас принято говорить, ее сделала роль Вассы.

В 1938 году Раневскую пригласили перейти в Малый театр, режиссер которого даже обещал невероятное – ставить пьесы конкретно под нее.

Раневская подала заявление об уходе, но его не приняли, а 22 декабря 1938 года в газете «Советское искусство» появилась статья начальника Центрального театра Красной армии М. И. Угрюмова о борьбе с «летунами», где тот писал: «Есть у нас и такие артисты, как Герата и Раневская. Где бы они ни выступали, они говорят о своей любви и преданности театру. Однако стоит им получить

Болела голова, полыхали нервы, и сказать, что в то утро она предчувствовала нечто значительное, было бы очевидной подтасовкой. Пожалуй, единственное, чего ей по-настоящему хотелось, - на несколько часов остаться в полном одиночестве и тишине. Десятки просительниц и просителей кочевали за ней из города в город, и теперь с болезненной дрожью она ожидала очередных визитеров, заранее предупредив свою костюмершу, чтобы та никого не принимала.

Ученица Комиссаржевской и Давыдова, Павла Леонтьевна Вульф в те дни с успехом гастролировала в Ростове.

Сезон близился к завершению. В то не слишком приветливое утро Наталья Александровна Иванова – костюмерша, верная, преданная Тата, фактически член семьи Вульф – встревоженно доложила, что к Павле Леонтьевне рвется какая-то странная, неухоженная девица, которая все заикается, пучит глаза и не может членораздельно сказать, что ей нужно. Каким-то необъяснимым образом настойчивости рыжей пришлось уступить. Девушка вошла со слезами восторга и восхищения и почему-то тут же перестала заикаться. Как предчувствовала Вульф, после обычной прелюдии последовала просьба. Девица без обиняков просилась в актрисы, она готова была исполнять любые роли, пусть самого низшего разбора, она была готова на что угодно, лишь бы работать, только бы быть на сцене рядом с ней, с Павлой Леонтьевной, ее кумиром, ее мечтой, ее божеством.

Все это было не в первый раз. И утренние визиты, и слезы восторга, и слова, в общем, не отличались особой новизной. Но что-то заставило Вульф забыть о мигрени. Что-то удержало ее от того, чтобы преспокойно выпроводить эту рыжую вон.

*О своих работах в кино:
«Деньги проедены, а позор остался»*

Ф. Г. Раневская

За пол века она снялась всего в двадцати четырех фильмах. И ни одной главной роли.

Раневскую нередко приглашали на фильм, где для нее даже роли не было, и актриса из единственной фразы сценария ее создавала. В 1937 году режиссер Игорь Савченко пригласил ее в картину «Дума про казака Голоту».

Раневская спросила, какая роль, он отвечал: «Роли, собственно, для вас нет. Но очень хочется видеть вас в моем фильме. В сценарии есть поп, но, если вы согласитесь сниматься, могу сделать из него попадью». Актриса ответила: *Ну, если вам не жаль вашего попа, можете его превратить в даму. Я согласна.*

Фаина Георгиевна запомнилась широкой публике в основном по небольшим эпизодам в кино, но слова ее при этом были поистине всенародной. Она сама придумала знаменитую фразу в сценарии «Подкидыша» - «Муля, не нервируй меня». После выхода на экраны фильма «Подкидыш» (1939, режиссер М. Ромм), в котором она снялась в роли Лели, - ей по Москве шагу нельзя было

По сей день горжусь тем, что насмешила Садовскую.

...Очень хорошо помню, каким потрясением для меня была встреча с великим трагическим актером Певцовым. В качестве статистки мне удалось устроиться в малаховский театр на бессловесные роли.

...Мне посчастливилось видеть в пьесе Леонида Андреева «Тот, кто получает пощечины». И в этой роли я буду видеть его до конца моих дней.

Помню, когда я узнала, что должна буду участвовать в этом спектакле, я, очень волнуясь и робея, подошла к нему и попросила дать мне совет, что делать на сцене, если у меня в роли нет ни одного слова. «А ты крепко люби меня, и все, что со мной происходит, должно тебя волновать, тревожить».

И я любила его так крепко, как он просил.

И когда спектакль был кончен, я громко плакала, мучаясь его судьбой, и никакие утешения моих подружек не могли меня успокоить. Тогда побежали к Певцову за советом. Добрый Певцов пришел в гримерную и спросил меня: «Что с тобой?»

- Я так любила, я так любила Вас весь вечер, - выдохнула я, рыдая...

- Милые барышни, вспомните меня потом – она будет настоящей актрисой...

Беда была в том, что лето прошло. Певцов уезжал, разъезжались все, - учителя и хорошенькие, успевшие пристроиться подруги.

А Фаине некуда было ехать.

По приглашению некоего Новожилова, принадлежавшего, видимо, к той обходительной породе работников, которые любят говорить, что «они знают, как разговаривать с артистом», Раневская перебралась в Феодосию.

Жить надо так, чтобы тебя помнили и сволочи.

Ф. Г. Раневская

В ноябре 1941 года, когда немцы приближались к Москве, Раневская была эвакуирована в Ташкент вместе с семьей Павлы Вульф.

В ноябре 1941 года из осажденного Ленинграда в Ташкент эвакуировалась Анна Ахматова.

За то время, что они провели в Ташкенте, Фаина Раневская и Анна Ахматова стали очень близкими подругами.

Ахматова делилась с Раневской такими воспоминаниями, о которых не рассказывала больше никому. О том, как жила, кого любила, о чем сожалела. *Проклинаю себя за то, что не записывала за ней все, что от нее слышала, что узнала! – сокрушалась потом Раневская в своем дневнике.*

Ахматова полностью доверяла Раневской и отдала ей на хранение толстую папку с бумагами. *Я была менее «культурной», чем молодежь сейчас, и не догадалась заглянуть в нее, - вспоминала Раневская. – Потом, когда у Ахматовой арестовали сына второй раз, она сожгла эту папку. Это были, как теперь принято называть, «сожженные стихи». Видимо, надо было заглянуть и переписать все, но я была, по теперешним понятиям, «необразованной».*

После Ташкента Раневская вернулась в Москву, а Ахматова – в Ленинград. Казалось бы, их пути разошлись. Но их дружбе это не помешало.

Едва только выдавалась возможность, Раневская ездила в Ленинград к Ахматовой, а когда заболела и попала

крупными чертами лица и трагическим взглядом, и ничего особо нескладного, как утверждали чуть ли не все писавшие об этом раннем периоде Раневской, в ней не наблюдалось. «Это была обаятельная, иногда несколько эксцентрично одетая молодая девушка, остроумная собеседница, вносящая в дом атмосферу оживления и праздника. Мне она казалась очень красивой. Несмотря на неправильные черты лица, ее огромные лучистые глаза, так легко меняющие выражение, ее чудесные каштановые, с рыжеватым отблеском, пышные, волнистые волосы, ее прекрасный голос, неистощимое чувство юмора и, наконец (это я понимаю теперь), талантливость в каждом слове и поступке – все делало ее обворожительной и притягивало людей», - вспоминала Нина Сухоцкая, давняя подруга Фаины Георгиевны.

Пытаясь поступить в одну из многочисленных театральных школ Москвы, Раневская волновалась до обмороков. Заикаться она начинала с первых же слов.

«Деточка, это профессиональная непригодность», - говорили ей. – Не морочьте голову ни себе, ни другим».

«В театральную школу принята не была – по неспособности».

До конца дней она ненавидела это постоянное состояние экзамена в театре.

Мучительно застревая на всех словах, она попросилась в частну. Театральную школу. Ее приняли, - уроки платные. Деньги, которые она взяла из дома, вскоре кончились, а тех, что она зарабатывала участием в цирковой массовке, явно не хватало.

Занятия пришлось оставить, и неизвестно, каким бы еще окольным путем повела ее судьба (впрочем, судьба только и делала, что вела Раневскую через то место, которому отводилось значительная роль в ее лексиконе),

и не были написаны. Но черновики остались, и из них тоже много чего можно почерпнуть, например, имена советских драматургов, в чьих пьесах она играла: Афиногенов, Билль-Белоцерковский, Корнейчук, Катаев, Тренев, Погодин и др. По этому списку можно понять, насколько большую часть ее репертуара составляли пьесы советских авторов, которых впоследствии стало принято принижать в сравнении с дореволюционными.

Кстати, актеров, с которыми приходилось играть, она в своих черновиках не называла – боялась кого-то пропустить и этим обидеть навечно.

*Творческие поиски Завадского
аттестовались Раневской не иначе
как «капризы беременной кенгуру».
Делая скорбную мину, Раневская замечала:
- В семье не без режиссера.
Ф. Г. Раневская*

В 1949 году Раневскую пригласили в Театр имени Моссовета.

Приглашение исходило от главного режиссера театра, Юрия Александровича Завадского, который знал Раневскую не только как актрису, но и был знаком с ней лично – он был одно время женат на Ирине, дочери Павлы Вульф.

Он как раз готовил постановку комедии И. А. Крылова «Модная лавка», где была подходящая роль и для Раневской.

Спектакль был тепло принят публикой, а для Раневской начался новый период в ее жизни – период,

гимназии этому пытались придать упорядоченный характер. Исполон веку роли героинь в таких постановках поручали не в соответствии с внешними данными, а сообразно внутреннему пылу и желанию ИГРАТЬ во что бы то ни стало. А это был случай Фаины.

На одном из таких спектаклей ей пришлось отдать свою роль и взять «чужой» эпизод: девочка, занятая в нем, отказалась целовать по сцене неряшливого, затюканного всеми мальчишку, с которым никто не хотел знаться.

«А если б я отказалась тогда, как бы пошла моя жизнь: Засыпаю всегда в ужасе».

Жизнь пошла таким образом, что к пятнадцати годам Фаина была уже безнадежно больна театром.

*Народ у нас самый даровитый,
добрый и совестливый.*

*Но практически как-то складывается так,
что постоянно, процентов на восемьдесят,
нас окружают идиоты,
мошенники и жуткие дамы без собачек.*

Беда!

Ф. Г. Раневская

*«Любила, восхищаюсь Ахматовой. Стихи ее
смолоду вошли в состав моей крови», - писала Раневская
в дневнике.*

И это была чистая правда. Стихи Ахматовой, а потом и она сама так прочно вошли в жизнь Раневской, что теперь уже невозможно представить их друг без друга. Великая поэтесса и великая актриса – они были неразрывно связаны до конца жизни.

Их дружба по-настоящему началась в Ташкенте, во время Великой Отечественной войны, но познакомились они гораздо раньше. Раневская тогда, по ее собственным

- Вот мой дом...

- Хороший дом, Фаина, - одобрила Белла, уверенная, что орденосной сестре принадлежит если не большая, то лучшая часть громадины. Через пять минут выяснилось, что любимица народа владеет двумя смежно-изолированными комнатами с видом на помойку.

Изумление приехавшей Изабеллы Григорьевны росло. Оно было связано с твердой уверенностью, что ее сестра как-ни-как живет согласно статусу великой актрисы, любимицы Чаплина, не говоря о всяких там Сталиных и Рузвельтах. То, что статус этот не совпадал с материальными возможностями, в голову ей не приходило и вряд ли могло прийти. Сама Изабелла до приезда в Союз обитала на вилле.

- Фаина, 27 метров в квартире – это что, все? – в недоумении спрашивала она.

- Да, это все, дорогая...

- Но здесь же негде повернуться! Фаина, это же бедность!

- Это не бедность, боясь впасть в бешенство, объясняла Раневская, - это считается хорошо. Я получила квартиру от нашего замечательного правительства, в высотном доме, который называют элитным. Тут живут ученые, артисты, писатели и другая сволочь... Здесь живут Охлопков, Жаров, Твардовский, Ромм и многие другие. Белла, здесь живет Уланова!

Изабелла Григорьевна ненадолго смирялась. Имена действовали на нее гипнотически. Но осмыслить тонкости московского быта оказалось выше ее сил.

Она отправлялась в гастроном. Начинался фарс пополам с трагедией. Взять в толк, что в магазине, на вывеске которого значилось «продукты», может не оказаться многих оных, она не могла.

- Принесите, пожалуйста, полкилограмма буженины, - миролюбиво просила Изабелла Григорьевна,

счастлива, не надо готовить уроки, не надо играть гаммы – я обрезала палец, к дому подъехала двуколка, из города приехал приказчик, привез почту, привез много свертков, много вкусности. Я счастлива, я очень счастлива.

«Почему?» - воскликнула мама. Я бегу в дом, через спущенные жалюзи в спальне полоска света, она блестит золотом, мама уронила голову на ручку кресла, она плачет – я мучительно крепко люблю мать, спрашиваю, почему она плачет...

Я пугаюсь и тоже плачу.

На коленях матери – газета: «...вчера в Баденвейлере скончался А. П. Чехов». В газете – фотография человека с добрым лицом. Бегу искать книгу А. П. Чехова. Нахожу, начинаю читать. Мне попалась «Скучная история». Я схватила книгу, побежала в сад, прочитала всю. Закрывает книжку. И на этом кончилось мое детство.

Я поняла все об одиночестве человека.

Это отравило мое детство.

Прошло несколько лет, и я опять услышала страшный крик матери, она кричала: «Как же теперь жить? Его уже нет. Все кончилось, все ушло, ушла совесть...»

Она убивалась, слегла, долго болела. Любовь к Толстому во мне – и моя, и моей матери. Любовь и мучительная жалость и к нему, и к С. А. Только ее жаль иначе как-то. К ней нет ненависти. А вот к Н. Н. Пушкиной... ненавижу ее люто, неистово.

Загадка для меня, как мог ОН полюбить так дуру набитую, куколку, пустяк...»

*Ничего так не дает понять
и ощутить своего одиночества,
как когда некому рассказать сон.*

Ф. Г. Раневская

Дружба Фаины Раневской и Павлы Вульф продолжалась до конца жизни Павлы Леонтьевны, да и после ее смерти в 1961 году Раневская ежедневно о ней вспоминала.

Эта потеря стала для нее огромным ударом. Она была настолько выбита из колеи, что долго не могла выйти на сцену театра имени Моссовета, где в то время работала. И потом Раневская то и дело вспоминала о Павле Леонтьевне. В дневнике она написала: *Павла Леонтьевна Вульф – это имя для меня свято. Только ей я обязана тем, что стала актрисой. В трудную минуту я обратилась к ней за помощью, как и многие знавшие ее доброту. Павла Леонтьевна нашла меня способной и стала со мной работать. Она учила меня тому, что ей преподавал ее великий учитель Давыдов и очень любившая ее Комиссаржевская... Требовательная к себе, снисходительная к другим, она была любима своими актерами как никто, она была любима зрителями также как никто из актеров-современниц...*

Раневская надолго пережила Павлу Вульф, но рана в ее сердце так и не зажила. Никто не смог заменить ей ее любимую подругу. И она всегда повторяла, что не устанет благодарить судьбу за то, что ей была послана такая дружба. В 1972 году умерла Ирина Вульф.

Вскоре Фаина Раневская написала в своем дневнике: *9 мая 1972 г. Умерла Ирина Вульф. Не могу опомниться. И так, будто осталась я одна на всей земле... Когда кончиться мое смертное одиночество?*

К тому времени ушли уже все, кого она особенно сильно любила. В 1961 году умерла Павла Вульф, о которой

ББК 85. 337

Ж 71

Жизнь сердитая соседка: дайджест к 120-летию
Ф. Г. Раневской / МБУК ЦБС; сост. И. Ф. Гребенкина. –
Верхняя Салда, 2016. – 32 с.

ББК 85.337

Дорогой Читатель!

Предлагаю вашему вниманию дайджест о великой
русской актрисе Фаине Георгиевне Раневской. В нем
собраны несколько эпизодов ее жизни, расцвеченных
воспоминаниями самой Фаины Георгиевны. К каждому
эпизоду, ваша покорная слуга, постаралась подобрать слова
Раневской, ставшие афоризмами. Хотелось бы надеяться,
что, познакомившись с дайджестом, вы захотите больше
узнать об этой уникальной женщине, и прочитаете
предложенные в дайджесте книги о ней.

Список литературы для дополнительного чтения:

1. Раневская Фаина Григорьевна (1896-1984) [Текст] /
Мусский И. А. // Мусский И. А. 100 великих актеров. –
Москва: Вече, 2002. – С. 196-201.
2. Раневская, Ф. Г. Записки социальной психопатки [Текст]
/ Ф. Г. Раневская. – Москва: АСТ, 2014. – 352 с.
3. Скороходов, Г. А. Разговоры с Раневской [Текст] / Г. А.
Скороходов. – Москва: Олимп, 2002. – 411 с.
4. Фаина Георгиевна Раневская 1896-1984 [Текст] /
Истомин С. В. // Истомин С. В. Самые знаменитые
артисты России. – Москва: Вече, 2000. – С. 289-298.
5. Фаина Раневская. Случаи. Шутки. Афоризмы [Текст] /
сост. И. Захаров. – Москва: Захаров, 2007. – 150 с.
6. Щеглов, Д. А. Хроники времен Фаины Раневской [Текст]
/ Д. А. Щеглов. – Москва: Олимп, 2005. – 393 с.